

СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЫ В ПРОМЫШЛЕННОМ ОСВОЕНИИ КУЗБАССА (начало 1930-х гг.)

В статье анализируются вопросы трудоустройства спецпереселенцев на строительстве производственных объектов и угледобыче в Кузбассе. Автор акцентирует внимание на условия труда, устройство быта, снабжение и питание людей в первые годы ссылки, опираясь отчетную документацию и воспоминания людей.

Ключевые слова: трудопоселенцы, рабочие кадры, использование труда, условия быта, питание, воспоминания, снабжение, адаптация

Бурное экономическое развитие Кузбасса в конце 20-х – 30-е годы прошлого столетия явилось одной из страниц реализации сталинского проекта модернизации западносибирского региона, направленного на создание его промышленного потенциала. Оно характеризовалось массовым использованием в качестве бесплатной рабочей силы так называемого спецконтингента, весомость вклада и реальное участие которого в создании индустриальной базы региона заслуживают специального исследования. Привлечение спецконтингента позволило воздвигнуть целый ряд крупнейших промышленных комплексов и резко ускорить темпы экономического освоения Кузбасса, как уже промышленного района Западной Сибири. В советской историографии использование спецконтингента в экономическом освоении Кузбасса, по идеологическим соображениям, к сожалению, не нашло отражение, что сегодня определяет актуальность рассмотрения данной проблемы.

В годы довоенных пятилеток, в соответствии с директивами XIV съезда ВКП(б), в Кузбассе началось активное промышленное строительство. За эти годы создавался мощный топливно-металлургический комплекс, включавший в себя Кузнецкий металлургический комбинат, угольные предприятия Анжеро-Судженского, Прокопьевско-Киселевского районов, Кемеровский и Ленинский

рудники, Осинниковские и Араличевские шахты, реконструированный Гурьевский металлургический завод, горные рудники в Салаире, Тельбессе и Темир-Тау. Почти каждый компонент этого комплекса являлся ударной стройкой, поскольку целый ряд объектов пришлось строить буквально с полного нуля, ежегодно внося определённые коррективы в планы строительства. При этом особая роль отводилась предприятиям угольной отрасли региона. Были пересмотрены первоначальные цифры первого пятилетнего плана, упор был сделан на более мощные шахты. В результате к концу 1932 г. было заложено 17 вместо 4 шахт в Прокопьевском районе, 7 вместо 4 шахт – в Ленинском, 5 вместо 2 – в Кемеровском, 8 – в Киселёвском, 6 – в Осинниковском, 3 – в Араличевском и по одной шахте в Анжеро-Судженском, Барзасском и Беловском районах. В Минусинском районе было заложено две шахты [Бикметов, 2002, с. 7].

Угли Кузнецкого бассейна в сочетании с уральскими и сибирскими рудами явились сырьевой базой для развёртывания металлургической промышленности. Строительство металлургического гиганта в Сибири началось в июне 1929 г. [Солоницын, 1932, с. 18].

Для осуществления столь грандиозных планов промышленного строительства необходимо было сконцентрировать в регионе колоссальные материальные, технические и людские ресурсы. Перед организаторами экономического освоения Кузбасса встала острейшая проблема обеспечения новостроек рабочими кадрами. Одним из главных источников их пополнения первоначально должно было стать крестьянство, из рядов которого стали черпать недостающую рабочую силу для ускоренного развития промышленности. При этом крестьянский образ жизни оказывал своё влияние на формирование рабочих кадров в регионе, возрастала их текучесть, особенно в активную пору сельскохозяйственных работ.

Другим существенным источником пополнения рабочих кадров региона явилась массовая вербовка рабочей силы с помощью государственных и партийных органов Западно-Сибирского края. Так, 19 сентября 1932 г. Запсибкрайком ВКП(б) принимает специальное

постановление «О вербовке рабочей силы для «Кузнецкстроя», а в декабре 1933 г. – целых два постановления: «О порядке вербовки рабочих» и «О закреплении вербовки и рабгужсилы на 1934 год». Промышленным предприятиям и стройкам края необходимо было пополнить свои рабочие кадры путём вербовки за счёт привлечения 234,5 тыс. человек [ГАНУ. Ф. 12. Оп. 3. Д. 276. л. 27-29; ГАНУ. Ф. 981. Оп. 1. Д. 73. л. 91].

Однако, несмотря на активную деятельность вербовщиков и большие денежные вознаграждения в виде безвозмездных пособий, оргнабор позволил привлечь чуть более половины ожидаемого результата (53,4 %) [Исаев, 2002, с. 224]. Во-первых, малочисленность местного коренного населения, которое предпочитало сезонные работы на строительстве. Во-вторых, суровые климатические условия, отдалённость от основных железнодорожных магистралей, тайга и глушь мало привлекали людей. Дефицит жилья, детских и школьных учреждений, слабое медицинское и торговое обслуживание, плохая организация питания, труда и быта явились основными причинами большой текучести рабочих кадров.

Промышленное строительство в регионе, за исключением севера (Тайга, Мариинск, Анжеро-Судженский и Кольчугинский рудники), началось на необжитом месте. Вопреки здравому смыслу: первоначально создать для строителей необходимые жилищно-бытовые и культурно-оздоровительные условия, опережающими темпами развернулось строительство Кузнецкого металлургического комбината, шахт и промышленных предприятий. Основная масса рабочих была предоставлена сама себе и была вынуждена выживать в совершенно экстремальных условиях. Начался значительный отток вербованных рабочих.

Поэтому не случайно при создании угольно-металлургического комплекса в Кузбассе был взят курс на использование принудительного и относительно дешевого труда зависимых категорий населения. Этому во многом способствовала и проводимая государством политика экономического и

политического развития страны – насильственная коллективизация сельского хозяйства, форсированная индустриализация, массовые репрессии.

Одной из основных категорий населения, чей труд активно начал использоваться в экономике региона, явились спецпереселенцы, раскулаченные и сосланные в Сибирь.

В связи с предстоящими мероприятиями ВЦИК и СНК РСФСР 10 января 1930 г. принял постановление «О высылке и ссылке, применяемых по судебным приговорам», законодательно определявшее два вида ссылки – простую и соединённую с принудительными работами, существенно дополнив Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 г. новым видом наказания [Смыкалин, 1997, с. 96].

Сотни тысяч крестьянских семей (спецпереселенцев) в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 18 августа 1930 г. «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области» принудительно направлялись в необжитые и малообжитые районы страны. Постановление нацеливало местные органы власти на максимальное использование рабочей силы спецпереселенцев» [Спецпереселенцы в Западной..., 1992, с. 33].

1 июля 1931 г. СНК СССР специальным постановлением «Об устройстве спецпереселенцев» поручил ОГПУ заниматься вопросами административного управления, хозяйственного устройства и трудоустройства спецпоселенцев. В соответствии с рядом постановлений СНК СССР (от 16 августа 1931 г., от 20 апреля 1933 г., от 21 августа 1933 г.) для высланного кулачества были организованы специальные (трудовые) поселения ГУЛАГа. Эти постановления возложили на ГУЛАГ ответственность за надзор, устройство, хозяйственно-бытовое обслуживание и трудоустройство выселенных кулаков [Земсков, 1991, с. 7].

При полномочном представителе ОГПУ по Западно-Сибирскому краю и в составе СИБУЛОНа (Сибирское Управление лагерей особого назначения) был создан отдел, руководивший работой спецкомендатур. В Кузбасс, в

отличие от других регионов Западной Сибири, направлялись семьи, имевшие в своём составе двух и более трудоспособных членов. Первоначально рабочая сила из числа раскулаченных поступала заказчикам на основе их заявок в Сибирское краевое административное управление. Так, по заявкам треста «Востокуголь» в июле 1931 г. в город Анжеро-Судженск было направлено 2000 семей из Башкирии. Из этого же региона поступило 3000 семей в управление строительства новых шахт, расположенное в городе Прокопьевске. По заявкам треста «Востоксталь» из Московской области для треста «Кузнецкстрой» было отправлено 5000 семей [ГУЛАГ: его строители..., 1998, с. 168-169]. На 1 января 1931 г. на «Кузнецкстрой» уже поступило 1138 спецпереселенцев [НФ ГАКО. Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 15. л. 4], а в феврале 1931 г. здесь их уже насчитывалось около 2 тыс. человек [Спецпереселенцы в Западной..., 1992, с. 230]. Как отмечал в отчёте Крайисполкому начальник комендантского отдела И.И. Долгих, они «довольно прочно обосновались в предприятиях, получили квалификацию, а в отдельных случаях сделались «незаменимыми» [Красильников, 2003, с. 240].

С июня 1931 г., начинает формироваться система отношений местных органов ОГПУ, в ведении которых находились спецкомендатуры со спецпереселенцами и места заключения, и хозяйственных организаций, остро нуждавшихся в дешёвой рабочей силе. Теперь передача людей на строительство заводов и шахт осуществлялась на основе договоров, которые хозорганы ежегодно должны заключать с местными органами ОГПУ. В юридически заключаемых договорах сторонами оговаривалось: виды и объёмы работ, условия труда и рабочий день, оплата труда, условия содержания и вопросы снабжения людей [ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 137. л. 92; ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 412. л. 39]. С этого времени поставка рабочей силы хозорганам обретает юридическую основу.

По завершении строительства объектов в виду отсутствия на них эксплуатационной рабочей силы спецпереселенцы (трудопоселенцы) по согласованию с местными органами ОГПУ передавались в состав рабочих

кадров шахт, заводов, предприятий. С течением времени они приобретали рабочую специальность и позднее составляли основной костяк рабочих кадров этих предприятий.

В Кузбассе было решено сконцентрировать спецпереселенцев на крупных трудоёмких строительствах, не распыляя контингент по многочисленным мелким предприятиям. В качестве основных потребителей дешёвой рабочей силы выступили «Кузнецкстрой», тресты «Востокуголь», «Цветметзолото». Так, на 21 августа 1931 г. на контрагентских работах на «Кузнецкстрое» было задействовано 4617 семей спецпереселенцев (22077 человек). Они составляли один из основных источников пополнения рабочих кадров строителей Кузнецкого металлургического комбината, о чём свидетельствует специальная инструкция по обеспечению завода рабочей силой [НФ ГАКО. Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 151. л. 4]. В это же время в составе треста «Востокуголь» (лесные и шахтные комендатуры) работали: на станции Анжерка – 2369 семей спецпереселенцев (12631 человек), на станции Кольчугино – 726 семей (3427 человек), на станции Прокопьевск – 1868 семей (10353 человека), на станции Яя – 343 семьи (1812 человек) [Г АНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. л. 72]. Значительная часть спецпереселенцев была задействована на процессах угледобычи, оставшаяся часть в составе леспромхозов обеспечивала шахты крепёжным лесом. При этом для работы на шахтах направлялись семьи, имеющие работоспособных глав мужчин.

В итоге только за 1931 год в Кузбасс было направлено 50300 спецпереселенцев из-за Урала (Башкирия и Московская область, 9923 семьи) [Красильников, 2003, с. 242].

В соответствии с секретным постановлением Запсибкрайкома ВКП(б) от 5 декабря 1931 г. принято решение о концентрации на новых рудниках только одной Киселёвки до 10000 ссыльных [Неизвестный Кузбасс..., 1995, с. 5].

Остро нуждались в рабочей силе и другие отрасли народного хозяйства. Эта потребность рабочих рук была восполнена за счёт спецпереселенцев, размещённых в короткие сроки организованных спецпосёлках при строящихся предприятиях, в

леспромхозах и приисках. Так, в составе Горно-Шорской комендатуры, обслуживавшей строительство Горно-Шорской железной дороги, в сентябре 1931 г. в 18 поселках проживало 1495 семей (7246 человек), в составе Крапивинской комендатуры значилась 741 семья, общей численностью 3640 человек. На территории Кузбасса также располагались Егоро-Салаирская, Мартайгинская, Ольховская, Саралинская, Таштыпская, Терсино-Усинская комендатуры, в составе которых находилось 3255 семей, общей численностью 14066 человек. Они обслуживали предприятия и прииски треста «Цветметзолото» [ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. л. 84-85].

На севере Кузбасса была организована крупнейшая Тяжинская сельскохозяйственная комендатура, в 44 спецпосёлках которой на декабрь 1932 г. числилось 15522 человека (из них трудоспособных – 3858 мужчин и 4296 женщин, т. е. свыше 53 % от численности) [Красильников, 2003, с. 171]. Попытка этой спецкомендатуры передать в 1930 г. 324 семьи спецпереселенцев в составе 991 человека по договору с правлением общества «Скотовод» для работы в Тисульских совхозах не увенчалась успехом. Поэтому весь указанный контингент рабочих был переброшен в Мартайгинский район для работы в тресте «Запсибзолото» [ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 137. л. 85]. Сиблаг активно использовал контингент этой спецкомендатуры на контрагентских работах по заявкам и договорам с совхозами [ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 137. л. 85].

Начиная с августа 1931 г., отмечается «нерациональное использование рабочей силы спецпереселенцев» по вине хозорганов и функционеров спецкомендатур. Так, по состоянию 21 августа 1931 г. на работах в «Кузнецкстрое» было задействовано 4,5 тыс. человек, что составляло только пятую часть численности спецпереселенцев (1 человек на 1 семью). В Анжерской комендатуре доля трудоспособных достигала почти 50 %, однако непосредственно на работах использовалось только 4 % от общей массы жителей спецпоселков. Несколько лучше обстояло трудоиспользование спецпереселенцев в Прокопьевской комендатуре. Хотя трудоспособные

составляли только 27 % от общей численности трудопоселенцев, на производстве использовалось 65 % от работоспособных [Красильников, 2003, с. 244].

К «серьезным недочётам» на начальном этапе, ставшими впоследствии хроническими, следовало отнести: неудовлетворительное снабжение спецпереселенцев спецодеждой, обувью, промтоварами, низкую степень обеспеченности их жильем. В рамках производства хозорганами допускался произвол, выразившийся в самовольном завышении норм выработки, понижением заработной платы, лишением выходных дней, уменьшением пайка, массовым обчётом спецпереселенцев [ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. л. 65].

К 1933 г. численность спецпереселенцев в Кузбассе значительно возросла в связи с дальнейшим развертыванием коллективизации сельского хозяйства и увеличением масштабов принудительного переселения. По данным на сентябрь 1933 г. на учёте в спецкомендатурах, расположенных на территории Кузбасса, уже состояла 17551 семья общей численностью 69328 человек (посчитано автором) [Спецпереселенцы в Западной..., 1994а, с. 258-262]. Рост численности и концентрация спецпереселенцев в регионе привели к образованию восьми участковых специализированных комендатур: четырёх лесных комендатур – Анжерской, Горно-Шорской, Крапивинской, Яйской; двух шахтных – Анжерской и Прокопьевской; и «Кузнецкстрою». В состав Кузнецкой комендатуры вошли также три поселковые комендатуры, обслуживавшие нужды строительной индустрии.

Сибирский историк С.А. Красильников, характеризуя взаимоотношения СКАУ (Сибирское краевое административное управление), полномочного представительства ОГПУ с хозяйственными органами на территории Кузбасса, справедливо отмечает, что именно в этом регионе Западной Сибири одновременно со строительством современных сложнейших технологических производств наблюдается одна из наиболее высоких степеней концентрации так называемого спецконтингента [Красильников, 2003, с. 241], основную часть которого

составляли спецпереселенцы. С 1933 г. направление спецпереселенцев в Кузбасс идёт строго в соответствии с нуждами хозорганов.

Так, по подсчётам сибирского историка С.А. Папкова, только в ходе депортации 1933 г. в Западную Сибирь, было выслано 132 тыс. человек, из которых было отобрано и передано тресту «Кузбассуголь» 19 тыс. наиболее работоспособных спецпереселенцев в соответствии с его потребностями [Папков, 1997, с. 77]. Они существенно пополнили его предприятия рабочей силой. При этом хозяйственники треста «Кузбассуголь», воспользовавшись своим преимущественным правом, выбрали среди прибывающих в регион людей семьи, малые по размеру и имевшие в своем составе трудоспособных членов. Только летом 1933 г. «Кузбассуголь» получил 4070 семей общей численностью 17753 человека после тщательного отбора в Омске представителем треста [Неизвестный Кузбасс..., 1995, с. 9-10].

В соответствии с «Основными положениями» типовых договоров с хозорганами, выданными руководством ГУЛАГа НКВД СССР в июне 1931 г., организации, в распоряжение которых поступают спецпереселенцы, должны: обеспечить людей в пути следования продовольствием и всем необходимым, главам семейств предоставить работу в течение договорного периода, организовать снабжение, питание, условия работы и оплату труда спецпереселенцев на общих с вольнонаемными рабочими основаниях. При этом 25 % зарплаты спецпереселенцев на основании постановления правительства и циркуляра ОГПУ № 69-13 от 31 января 1932 г. передавалось в распоряжение полномочных представительств ОГПУ. Позднее эти вычеты были снижены сначала до 15 %, а затем и до 5 % [Красильников, 2003, с. 243].

Однако, получив в своё распоряжение эту рабочую силу, хозорганы проявили крайнюю медлительность в решении насущных вопросов спецпереселенцев. Во-первых, они, как и спецкомендатуры, оказались неподготовленными к приёму столь большой массы людей. Не был налажен учёт самих спецпереселенцев, не организовано их трудоустройство, при распределении на работу не учитывалась уже имевшаяся квалификация. Так, на 21

августа 1931 г., на «Кузнецкстрое» работали 4522 спецпереселенца, среди них 1760 женщин и подростков. На строительстве завода работали 2232 человека. Остальные же из-за недостатка инструментов и стройматериалов были направлены на строительство землянок. В то же время бригада плотников в составе 120 человек использовалась в доменном цехе на разгрузке кирпича.

В Анжеро-Судженске из 5247 трудоспособных спецпереселенцев на работах использовался только 4441 человек, без работы, по вине администрации, остались 139 здоровых мужчин. Так, 7 августа 1931 г., на постройку больницы было направлено 820 человек, при этом работой администрация смогла обеспечить только 730 человек. 8 августа 1931 г. на шахту № 1 по заявке было направлено 100 человек, но представитель шахты забрал с собой только 50. Не лучше обстояли дела и в Прокопьевске, где из 2647 трудоспособных спецпереселенцев использовались на работах только 1650 человек, из них по специальности – только 310 человек [ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. л. 73]. Часть трудопоселенцев использовалась на строительстве дороги Суислово – Тегульдэт протяженностью 162 км [Спецпереселенцы в Западной..., 1994б, с. 225].

Во-вторых, хозорганы не располагали достаточным количеством жилья для размещения всего поступившего контингента спецпереселенцев, поскольку само строительство начиналось почти с нуля. Так, на «Кузнецкстрое» на 8 августа 1931 г. около 5000 человек были размещены в палатках и шатрах, остальные же в шалашах, сделанных из веток и одеял. Быстрая же постройка землянок сильно сдерживалась отсутствием достаточного количества лопат (всего в наличии 500, потребность – 2000 штук). Руководство строительством завода рассчитывало построить землянки силами первого прибывшего эшелона спецпереселенцев, затем освободить шатры для приёма последующих эшелонов. Из-за плохой организации труда, растерянности руководства и недостатка стройматериалов к строительству жилья фактически приступили, имея в наличии уже 9000 человек. Причем в качестве объектов приоритетного строительства были избраны капитальная баня, овощехранилища и т. д.

По мере строительства жилья основная масса спецпереселенцев на строительстве «Кузнецкстроя» была размещена в землянках. Вот как описывала свое житие в землянках дочь спецпереселенца М.А. Огорокова (Соломник): «Поселили нас в землянках-траншеях; там их было выкопано много, и в каждой проживало несколько семей. Земляные полы и стены часто осыпались, а в дождь вода текла и со стен и с потолка. Отец вкопал столб и на нём сколотил подобие стола, рядом вкопанные чурбаки были стульями» [Огорокова, 2002, с. 131].

В Прокопьевске на 9 августа 1931 г. было заселено 5 деревянных барачков, 8 землянок и 2 деревянных сарая. При этом только 2 барака оказались пригодными для зимних условий. 3400 человек жили под открытым небом. Для их расселения только приступили к сооружению землянок.

В Анжерке строительство жилого массива было сорвано по вине рудоуправления «Востокуголь», которое не приняло достаточных мер по развёртыванию строительства, ссылаясь на отсутствие стройматериалов на Яйском лесозаводе. Поэтому возведённые землянки не имели опалубки, ничем не перекрыты и в случае ненастной погоды могли быть размывы. При наличии стройматериалов предполагалось строительство закончить в десятидневный срок [ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. л. 72]. Лесное же управление «Кузбассугля», в котором на то время работали 14196 человек, вовсе не занималось вопросами строительства жилья для спецпереселенцев [ГАНУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 137. л. 92].

Существенно дополняют картину бытового устройства на Осиновском руднике воспоминания самих спецпереселенцев. «...Нас поселили в стройгородке. Там было 12 камышовых барачков, все они были недостроенными. Затем нас распределили на участки (6 участков), а поселок назвали «Елбань». Мы жили в землянке, во время дождей крыша протекала...» – так вспоминала о первых месяцах пребывания в Осиновке А. И. Погребняк [ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 5. Д. 1. л. 53-54]. «...Везли нас больше двух месяцев. 10 июля 1933 г. в 4 часа утра нас выгрузили напротив церкви, взрослых и детей загнали в сушильные камеры. Затем родителей погнали на распределение. «Зеленый Лог» (поселок в

Осиновке) уже заселялся, туда люди приехали с Нарыма. На «Весёлой Горке» нам был отведён участок под землянку. Печку сложили 25 октября 1933 г., а до этого грелись у костра. На печку нам выделили 25 кирпичей... Отец работал на шахте, каждый месяц нам привозили 0,5 т угля. А распоряжалась нами 5-я Старокузнецкая комендатура...» (из воспоминаний И. М. Ведьмедь) [ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 5. Д. 1. л. 55-56].

«...Привезли в Осиновку, с вагонов нас выбросили и мы сделали шалаши на болоте возле шахты «Капитальная», затем нас начали распределять. Потом нас поселили на «Елбани» в камышовых бараках. Отец начал работать в штольне № 9, от руководства которого мы получили помощь – землянку на две семьи. Устройство землянки было такое: делалась она из досок, засыпалась землей, крыши были двускатные. Делилась она на два помещения, было два окна и деревянный пол, её размеры составляли 2,5–3 метра на 4 метра... Весной началось таяние снега, все землянки потекли» (из воспоминаний А. П. Ушанова) [ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 5. Д. 1. л. 57-58].

«...В Омске была комиссия. Мужчин отправили в Кузбасс, а женщин и детей в Павлодар – на пашню. Привезли нас на Троицу – 12 июня. Остановился состав около шахты «Капитальная». Весь народ распределили и расселили. Люди стали строить землянки и попутно работать в шахте... Когда нас выгружали из состава, комендант заскакивал на лошади в вагон и выгонял всех из него. Отсюда и название нашего поселка – «Весёлая горка», т. к. наш состав разгружался весело» (из воспоминаний П.Ф. Марченко) [ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 5. Д. 1. л. 51-52].

Несколько иной подход к расселению людей имело руководство Осиновского рудника, которому предстояло в течение 1933 г. принять три большие партии спецпереселенцев. Первую партию численностью 410 семей, прибывшую в апреле, разместили в стандартных домах ещё незавершённого строительства, поскольку иного жилья не было. Вторая партия людей численностью 902 семьи прибыла в июле. Её разместили частично в стандартных домах, частично в специально оборудованных кирпичных сараях, пригодных для

размещения людей в летнее время. По настоянию районной и местной комендатур люди из кирпичных сараев были переведены во временные шалаши, сделанные из горбыля и теса, расположенные непосредственно на площадках по месту строительства индивидуального жилья. Эти меры должны были ликвидировать скученность проживания людей в кирпичных сараях и «побудить людей» к скорейшему возведению своего жилья вблизи от места работы. Все спецпереселенцы были освобождены от рудничных работ и должны были возводить жильё из стройматериалов, предоставленных им. Многие люди, ослабленные в ходе переезда, не справлялись с темпами строительства и были вынуждены заниматься этим в дни отдыха и в свободное от работы время.

Получая скудное нормированное питание, люди часто использовали время, выделенное на строительство, на сбор ягод и грибов. В итоге к началу сентября только 80 % спецпереселенцев завершили строительство индивидуального жилья.

Прибывшая в августе последняя партия численностью 180 семей была размещена в уже построенных стандартных домах. Она также приступила к строительству индивидуально жилья и должна была к 10 октября завершить его, чтобы освободить занимаемое жильё для размещения прибывающих в октябре 380 трудопоселенцев-одиночек [ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 82. с. 11].

Аналогичная ситуация с расселением спецпереселенцев была и в других шахтерских городах. Основатель известной в Прокопьевске шахтерской династии Г. Р. Сагитов вспоминал: «Привезли нас в телячьих вагонах, поселили в чистом поле. Пришлось рыть землю и сооружать землянки, в которых потом ютились за занавесками по нескольку семей» [Шишкин, 2006, с. 119]. В несколько лучших жилищных условиях оказались спецпереселенцы из Вологодской области, прибывшие в поселок Шалтырь Мартайгинского района. Их плотно расселили в пяти бараках, в которых ранее проживали заключенные (из воспоминаний А. Н. Знаменской) [Знаменская, 1997, с. 22].

В-третьих, неудовлетворительно было организовано медицинское обслуживание людей. Население испытывало острый недостаток

медперсонала и медикаментов. Врачебные и фельдшерские пункты располагались в небольших помещениях, не приспособленных для этой цели. Так, в «Кузнецкстрое» под больницу и амбулаторию были отведены три палатки, в которых отсутствовало больничное оборудование. 50 % спецпереселенцев болели дизентерией. Ещё хуже обстояли дела в Анжерке и в Прокопьевске, где только в одном из пяти посёлков был организован медпункт [ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. л. 75].

В-четвёртых, было плохо налажено питание людей. В большинстве комендатур горячую пищу получала только та часть спецпереселенцев, которая преимущественно была занята на тяжелых работах, а остальным же регулярно выдавали только муку, иногда рыбу и другие второстепенные продукты. Из продуктов в свободной продаже на строительстве «Кузнецкстроя» имелись только конфеты и соленая рыба – «чебак».

В Анжерке имелась только одна столовая, рассчитанная на 7000 обедов в сутки. Для приготовления горячей пищи для всех спецпереселенцев необходимо было расширение столовой и установка 4 дополнительных котлов, которых не было в наличии. Нормы отпуска продовольствия на человека регулярно нарушались из-за отсутствия жиров, частыми перебоями в снабжении картофелем, хлебом и другими продуктами.

В Прокопьевске столовая функционировала только на 1-м участке, обслуживающем 600 человек. На остальных участках пищу каждый готовил сам, при этом кипячёной водой было обеспечено 50 % спецпереселенцев, занятых на двух участках [ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156. л. 75]. И вновь обратимся к воспоминаниям людей. «...Нам давали карточки на хлеб – по 250 граммов. Весной собирали медуницу, колбу и другое...» (из воспоминаний А. И. Погребняк). «...Людям давали соленую рыбу, они ели её, а воду пили из реки, началась повальная дизентерия» (из воспоминаний В. М. Ведьмедь). «...Смертность в посёлке была большая. Народ был из сельской местности и не соблюдал правил гигиены. Один раз выкинули испорченную рыбу и полили бочкой дерьма, но люди всё равно рыбу

хватали, в результате – дизентерия. Очень много умерло от неё» (из воспоминаний А.П. Ушанова). «...Люди страдали от голода, кто упал духом – тот умер. Умирили десятками, а складывали трупы в общую яму...» (из воспоминаний П.Ф. Марченко) [ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 5. Д. 1. л. 51-52].

Скудным был рацион питания и у спецпереселенцев «Кузнецкстроя». «Вся наша еда – это хлеб по строго определённой норме, т. е. по маленькому кусочку, и вода. Раз, залезая на этот «стул» я опрокинула чашку с супчиком, и больше и не просила, зная, что налить заново – нечего... Мама осенью часто по утрам, когда ещё все спали, шла на поля, где уже выкопали картошку, и находила там несколько штук. Это считалось счастьем. Супы варили из ржавых селедочных голов, которые отец собирал незаметно в заводской столовой; если удавалось добавить ещё в супчик и горстку гречневой крупы – это было объедение. Ели ещё затируху: когда в котелке из ржавых банок закипала вода в неё сыпали немного муки и получалось что-то вроде клея, без всякого масла или жира. Нам тогда казалось, что это очень вкусно. Ещё ели ржаные сухари, которые заливались холодной водой и немного сбрызгивались растительным (конопляным и изредка подсолнечным) маслом – это «блюдо» называлось «мурцовка» (из воспоминаний М. А. Окороковой (Соломник) [Окорокова, 2002, с. 131].

Серьезные проблемы с обеспечением продовольствием возникли и у спецпереселенцев, работавших на лесозаготовках на реке Шалтырь. Зимой из-за сильных снежных заносов прекратился подвоз продовольствия, начался голод. «Вторая зима оказалась ещё труднее, чем первая. Заносы были такие, что мы длительное время сидели в блокаде. Еды не было никакой (в первую зиму у людей были остатки домашних продуктов), начался голод. Ели гнилые пни, мороженую картофельную шелуху, люди стали пухнуть, умирать. Надо пояснить, что трудоспособные мужчины с нами не жили, они все были на лесоповале. В бараках оставались женщины, дети, старики. Почти каждое утро начиналось с тревоги – откопают или нет, выйдем мы из барака или нет. Жутко ждать в темноте или в лучшем случае с маленькой коптилкой. Есть ужасно хочется, темно,

холодно. Опять начали умирать. Умерло этой зимой и весной так много народа, что хоронить было некому» (из воспоминаний А. Н. Знаменской) [Знаменская, 1997, с. 26-27].

Только благодаря своевременному вмешательству партийных органов были приняты меры по пресечению подобных действий и элементов дискриминации в отношении людей. Однако в ряде организаций, таких как «Кузнецкстрой», не была для них решена жилищная проблема даже к концу 1932 г. Так, в октябре планировалось предоставить жилье для 8712 спецпереселенцев (45 % от всей массы спецпереселенцев, работающих в «Кузнецкстрое») в деревянных бараках, землянках, в глинобитных и саманных домах. Для остальных вопрос об обеспечении жильем остался открытым [ГАОУ. Ф. 47. Оп. 5. Д. 137. л. 51].

Для строящихся промышленных объектов Кузбасса производился отбор наиболее работоспособной части трудопоселенцев, создавались более или менее сносные условия для их выживания и воспроизводства работоспособности. При этом средние показатели выполнения ими норм выработки колебались в пределах от 70 % и выше во всех отраслях производства. Самая низкая производительность труда (около 70 %) была отмечена в леспромхозах системы треста «Кузбассуголь» и на «Кузнецкстрое» (земляные работы), самая высокая (100–120 %) на угольных шахтах и приисках (горные работы) [Спецпереселенцы в Западной..., 1994а, с. 190-191, 198].

В начале 1930-х гг. на шахтах Кузбасса получила распространение и практика трудоиспользования так называемых «тылоополченцев» – лиц призывного возраста из семей, лишённых избирательных прав. Казарменный режим, обезличивание труда, однообразная и утомительная работа и ограниченная свобода создавали тяжёлую психологическую атмосферу в среде тылоополченцев. Их труд также был одной из разновидностей принудительного милитаризованного труда [Угольная промышленность..., 1997, с. 144].

Первые партии тылоополченцев в составе 2454 человек прибыли в регион в ноябре 1930 г. Всего же на шахтах Кузбасса к концу 1930 г. их работало 3700 человек. Они были сформированы в 4 невоенизированных отряда и направлены

на Анжерский, Кемеровский, Ленинский и Прокопьевский рудники. При этом треть тылоополченцев была направлена в леспромхозы и занималась лесозаготовками для нового шахтного строительства, а основная масса была задействована на процессах угледобычи. На 1 марта 1931 г. в Кузбассе работали 3454 тылоополченца, из них в угольной промышленности были задействованы 2454 человека, остальные – в лесной промышленности [Красильников, 1994, с. 182].

Производительность труда тылоополченцев была высока. В отдельных случаях нормы выполнения ими производственных заданий превышают нормы выполнения плановых показателей со стороны наемных. По данным за февраль 1931 г. на шахтах Прокопьевска тылоополченцы выполняли производственные задания в среднем от 80 до 90 %, а отдельные ударники – на 131 %, на эстакаде по погрузке угля – на 100 %. В лесной промышленности производительность их труда достигала 100 %. Ударно работали тылоополченцы и на шахтах Анжерки. Несколько ниже была их производительность в Ленинск-Кузнецке. Она колебалась в пределах от 65 до 85 %, не уступая производительности труда вольнонаёмных [Красильников, 1994, с. 183]. Весной 1932 г. три кузбасских полка выдавали «на-гора» ежемесячно около 50 тыс. т угля. При этом половина добычи приходилась на Прокопьевский полк, работавший на шахте «Поварниха» [Красильников, 1998, с. 30]. Наиболее значительную группу тылоополченцев составляли: шахтеры шахты № 1/6 Анжерского рудника, где обеспечивали от 20 до 40 % угледобычи, и шахтёры шахты «Диагональная» Кемеровского рудника [Красильников, 1998, с. 31].

К концу 1932 г. произошли существенные изменения в экономике Кузбасса. В начале 1932 г. вошли в строй ТЭЦ и первая коксовая батарея КМК. 3 апреля 1932 г. дала чугун первая домна КМК. Вошли в эксплуатацию 24 шахты, суммарная мощность шахтного фонда Кузбасса выросла в 3,5 раза – с 3 до 9,7 млн т [Заболотская, 1995, с. 81-83]. Средняя мощность одной шахты составляла уже 350 тыс. т в год вместо 200 тыс. т на начало пятилетки [Красильников, 1994, с. 93]. 25 шахт из 51 оказались сосредоточенными в Прокопьевско-Киселёвском районе – основной базе добычи коксующихся углей. Кузбасс повысил свой

удельный вес во всесоюзной угледобыче с 7,4 % в начале пятилетки до 11,3 % в 1932 г., перешагнув не только рамки бассейна местного значения, но и сделав серьёзную заявку на положение одного из лидеров среди угольных бассейнов страны [Итоги развития..., 1934, с. 45].

Таким образом, осуществлялась адаптация спецпереселенцев в Кузбассе на строительстве промышленных предприятий и шахт и формирование отрядов квалифицированных рабочих угольной, металлургической и золотодобывающей промышленности региона.

Библиографический список

- Бикметов Р. С. Под конвоем в шахту: Спецконтингент в угольной промышленности Кузбасса (начало 1930-х – середина 1950-х гг.). – Кемерово, 2002. – 179 с.
- Воспоминания спецпереселенцев города Осинники / собраны А.М. Сивухо, размещены в документах Государственного архива Кемеровской области: ГАКО. Ф. Р-353. Оп. 5. Д. 1.
- Государственный архив Новосибирской области. (ГАО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 276.
- Государственный архив Новосибирской области. (ГАО). Ф. 47. Оп. 5. Д. 137.
- Государственный архив Новосибирской области. (ГАО). Ф. 981. Оп. 1. Д. 73.
- Государственный архив Новосибирской области. (ГАО). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 412.
- Государственный архив Новосибирской области. (ГАО). Ф. П-3. Оп. 2. Д. 156.
- Государственный архив Новосибирской области. (ГАО). Ф. П-3. Оп. 6. Д. 82.
- ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / под ред. И.В. Добровольского. – Франкфурт н/Майне - Москва, 1998. – 174 с.
- Заболотская К. А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1995. – 342 с.
- Земсков В. Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е гг. // СОЦИС. – 1991. – № 10. – С. 3-21.
- Знаменская А. Н. Воспоминания. – СПб.: Мемориал, 1997. – 124 с.
- Исаев В. И. Социальные проблемы формирования Урало-Кузнецкого комплекса // Урал и Сибирь в Сталинской политике: сб. статей. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 126-137.
- Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие. – Новосибирск, 1934. – 111 с.
- Красильников С. А. На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917-й – конец 1930-х гг.). – Новосибирск. Издательство НГУ, 1998. – 91 с.
- Красильников С. А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930е гг. – М.: РОССПЭН, 2003. – 343 с.
- Красильников С.А. Тылоополченцы // ЭКО. – 1994. – № 3. – С. 176-188.
- Леухова М.Г. Тылоополченцы на строительстве второй угольной базы Кузбасса // Октябрь 1917 года: уроки истории и современность. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. – С. 67-68.
- Неизвестный Кузбасс. Тоталитарная система: палачи и жертвы. Вып. 2. – Кемерово, 1995. – 252 с.
- Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области, НФ ГАКО. Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 15.

- Новокузнецкий филиал Государственного архива Кемеровской области, НФ ГАКО. Ф. Р-143. Оп. 3. Д. 151.
- Папков С.А. Сталинский террор в Сибири 1928–1941 гг. Изд-во СО РАН. Новосибирск, 1997. – 271 с.
- Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы Советской России. – Екатеринбург, 1997. – 368 с.
- (Окорокова) М.А. Из воспоминаний «Записки раскулаченной» // Дети ГУЛАГа. 1918 – 1956 гг. // под общ. ред. А. Н. Яковлева – М.: Международный фонд «Демократия», 2002. – С. 12, 124–136, 566–567.
- Солоницын Н. Народное хозяйство Западно-Сибирского края с 1928 по 1931 гг. // Западно-Сибирский край. Материалы по экономике края. Запсибуправление нархозучета. – Новосибирск: ОГИЗ Запсиботделения, 1932. – 929 с.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. Начало 1930 – весна 1931 гг. – Новосибирск: Наука, 1992. – 286 с.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 гг. – Новосибирск: Экор, 1994а. – 341 с.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири 1933–1938 гг. – Новосибирск: Экор, 1994б. – 309 с.
- Угольная промышленность Кузбасса 1721–1996 / отв. ред.: К.А. Заболотская. – Кемерово: АО «Кемеровское книжное издательство», 1997. – 303 с.
- Шишкин В. Династия Сагитовых // Жемчужина России. – Прокопьевск, 2006. – С. 118-129.

R. S. Bikmetov

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

SPECIAL SETTLERS IN INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE KUZBASS (early 1930s)

The article analyses the issues of labour of the settlers in the construction of production facilities and coal mining in the Kuzbass. The author focuses on the working conditions, veryday life, supply and nutrition in the first years of exile, drawing records and memories of people.

Key words: tradepolicy, working shots, use of labour, condition of way of life, feed, remembrances, supply, adaptation